

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О “ТРИДЕСЯТОМ ГОСУДАРСТВЕ” —НАРОДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В СКАЗКЕ¹—

ЁСИКАДЗУ НАКАМУРА

Два-три года тому назад мне довелось переводить знаменитый сборник русских сказок, который составил Александр Афанасьев в середине прошлого века.² Имя Афанасьева у нас в Японии давно известно. Еще в середине 1920-ых годов появился японский перевод его классических “Народных русских сказок”, в который было включено более 130 сказок.³ Пожалуй, нигде в мире в то время не было такого полного перевода этого сборника. И в последующие годы в нашей стране много раз переводились не только сказки из сборника Афанасьева, но и другие сборники русских сказок. Вследствие этого японским читателям, взрослым и маленьким, стали хорошо знакомы многие Иваны, например, тот Иван-царевич, который поехал искать жар-птицу для царя, или другой Иван-царевич, который женился на мудрой лягушке, Иванушки-дурачки, в том числе и образ, созданный писателем Львом Толстым, их злая антагонистка баба-яга, миленькая Снегурочка и т.д. и т.п.

У нас японцев тоже есть собственное сказочное наследие. Когда я занимался переводом афанасьевских сказок, то неоднократно обращал внимание на сходства и несходства между сказками русского и японского народов. Естественно, что между ними есть немало общего: почти всегда в конце концов одерживают верх добрые силы и хорошие качества человека, такие как доброта, благородство, отзывчивость, храбрость, терпеливость, честность, великодушие, находчивость и, самое главное, любовь. В сказках обоих народов встречается, хотя и редко,

Автор выражает глубокую благодарность Маргарите Борисовне Томита, которая отредактировала эту статью с большим мастерством.

¹ Это эссе было подготовлено с расчетом на широкую аудиторию, когда автор собирался посетить Россию весной 1989 г. по приглашению Союза писателей СССР. На самом деле автору случилось выступить перед преподавательским составом и студентами в Педагогическом институте в г. Орле. Потом я не раз пробовал заново переписать заметку для того, чтобы опубликовать в вестнике университета, но каждая моя попытка завершалась неудачей. К тому же, мне стало немножко жалко, что первоначальный стиль эссе, простой и непринужденный, потеряется. Поэтому я решил, вместо изменения стиля, снабдить эссе подробными примечаниями, которые отсутствовали в оригинальном тексте.

² Моя работа вышла в свет в виде двухтомника малого, так называемого карманного формата под названием: “Афанасьев. Сборник русских народных сказок”, Токио, Издательство Иванами, 1987. В нее вошло 78 сказок. Текст для перевода служило новейшее издание “Народных русских сказок А. Н. Афанасьева”, подготовленное Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым, М., 1984–1985.

³ Точнее говоря, в 1924 г. два молодых переводчика, Хакуё Накамура и Масао Ёнакава перевели и публиковали 133 сказки из сборника А. Н. Афанасьева. Они пользовались для перевода двухтомным собранием, изданным в Берлине, “А. Ф. Афанасьев. Народные русские сказки и легенды”, Издательство И. П. Ладыжникова, 1922. Их японский перевод потом переиздавался несколько раз в течение более полувека.

склонность к жестокости. Но характер, темперамент героев сказок не одинаковы. Способы сказывания тоже отличаются друг от друга. Я не собираюсь здесь перечислять все эти общие и необщие черты русских и японских сказок, а хочу остановиться только на одной особенности русских сказок, или точнее, русских людей, отраженной в сказках, с точки зрения японского переводчика.

Сказка каждого народа имеет свои собственные устойчивые выражения. Что касается начала сказки, которое фольклористы называют “зачин”, русские сказки почти всегда начинаются словами “жил-был” или “жили-были”. Японские же сказители открывают свою сказку со словом “мукаси”, т.е. “в старину”. Тут немислимо было бы переводить “жил-был” на японский дословно. Больше всего переводчиков мучат те выражения, которые не имеют соответствующих оборотов, прямых или косвенных, в их родном языке. Для меня одним из самых трудных выражений, так называемой головоломкой, являлась фраза “за тридевять земель, в тридесятном государстве”. Что это такое? Мне было известно, что у каждого народа цифры имеют символический смысл. Особенно в сказках и у русских и у японцев, цифрам три и девять придано какое-то мистическое значение. Однако, я решил не переводить эту фразу слово в слово на японский язык. Одной причиной моего отказа от буквального перевода было явное на мой взгляд арифметическое противоречие этого выражения: по знаменитому словарю Владимира Даля, слово “тридевять” значит двадцать семь.⁴ После двадцати семи обычно следует двадцать восемь, а не “тридесять”, т.е. тридцать. Существует и такой вариант: за тридевять земель, в десятом царстве”. Каким образом здесь ведется счет?! В своем словаре Даль истолковывает встречающуюся в сказке фразу “за тридевять земель, в тридесятном государстве” просто одним словом “далеко”. Но, конечно, если бы на любой иностранный язык перевести это очень образное выражение только “далеко” или даже “очень далеко”, самобытное вкус оригинала потерялся бы.⁵

Кстати, такие общие фразы, т.е. устойчивые формулы, как “долго ли, коротко ли”, “близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли”, также заставляют переводчиков плакать. Их тоже невозможно перевести слово в слово не только на японский язык, но и на английский или какой-либо другой европейский язык. Под этими неопределенными и неясными выражениями, по-моему, подразумевается чаще всего чрезвычайно долгое время, чрезвычайно широкое пространство. Я думаю, что самая большая разница, или по крайней мере, одна из самых больших разниц, в характере русских и японцев в сказках обнаруживается в их отношении к пространству.

Приведу один пример. В афанасьевском сборнике есть сказка с названием “Волшебное кольцо” (она известна под шифром №. 190). Один молодой человек

⁴ “Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля”, т. 4, СПб. и М., 1882, 2-ое Изд, стр. 430.

⁵ После долгих колебаний я его перефразировал в своем переводе так: “за горами, за долинами, в стране на краю света”. Но потом, после того, как книга вышла, мне пришло в голову, что этот перевод может быть ошибочен или по крайней мере неудобен. Было бы гораздо лучше, если перевел бы просто и так. Задним умом крепок! Кстати, выражение это переведено совершенно буквально и, мне кажется, гораздо красивее меня на английский и немецкий языки: “beyond thrice nine lands, in the thrice tenth Kingdom” (N. Guterman, “Russian Fairy Tales”, London, 1976, p. 458 et. al.), “hinter den dreimal neun Ländern, im dreimal zehnten Reich” (S. Geier, “A. N. Afanasjew. Russische Volksmärchen”, München, 1985, S. 312 et al.)

получил много денег по наследству от отца. За эти деньги он покупает собаку, кошку и достает волшебное кольцо. Это кольцо с его сверхъестественной силой помогает молодцу выполнить трудные задания, заданные царем, и жениться на царевне. Царевна его не любит, и выманив у пьяного мужа кольцо, убегает к другому королю "за тридевять земель, в тридесятое государство". Тогда собака и кошка приходят на помощь своему хозяину. Они прибегают "за тридевять земель, в тридесятое государство" и получают назад волшебное кольцо при содействии мыши. Когда собака и кошка приносят хозяину кольцо, он возвращает себе жену и счастье.

В Японии тоже известна подобная сказка. Когда-то один бедный моряк спас змею, собаку и кошку. Оказалось, что змея—дочь морского царя. Она приглашает моряка к себе и дарит ему волшебное кольцо в знак благодарности. Моряк сразу становится богачом и слухи о нем распространяются по всей стране. Дошли они и до одного торговца лошадами, жившего в Осаке. Он приехал к бывшему моряку и украл у него волшебное кольцо. И в данном случае тоже появляются собака и кошка как помощники хозяина. Они прибегают в Осаку и с помощью мыши добывают кольцо. Так их хозяину удается вернуть прежнее богатство и счастье.⁶

Мы не будем останавливаться на том, возникли ли русская и японская сказки независимо друг от друга, или они восходят к общему источнику. Пока меня интересует лишь пространство в обеих сказках. В русской сказке кольцо уносят "за тридевять земель, в тридесятое государство". В японской моряк живет на острове Косики. Этот маленький остров находится на самом западе страны в префектуре Кагосима, где сама сказка была записана. Расстояние от острова до Осаки—километров тысяча. Само собой разумеется, не стоит спорить, что находится дальше, "тридесятое государство" или "город за тысячу километров"? Весьма примечательно, что вообще в японских сказках отдаленность иного царства выражается и подчеркивается не так, как в русских сказках.

В самых популярных японских сказках дальность и длительность пути героев выражаются так: "далеко отсюда", "в далекую страну", "перешел гору, перешел другую", "перешедши поля, леса, горы и реки", "из восточной страны в западную" и т. п.⁷ Зато японцы довольно часто называют реальные места в сказках, даже в собственно волшебных сказках, как мы видели в вышеприведенной сказке "Собака, кошка и кольцо". Ученые-фольклористы обычно зовут преданием или легендой сказку, в которой упоминается реальная местность. В русских же волшебных сказках, насколько мне известно, никогда не называется город или деревня, которая существует на самом деле. Сначала герои живут в одном государстве, а потом едут в иное государство, т. е. "за тридевять земель, в тридесятое государство". Они туда едут "по долам, по горам, по зеленым лугам" (Аф. No. 137, "Иван Быкович"), "едут месяц, и другой, и третий" (Аф. No. 140, "Зорька, Вечорка и Полуночка"). Так как иное царство находится очень

⁶ Эта сказка помещена в трехтомном сборнике японских сказок под названием "Собака, кот и кольцо". Кэйго Сэки (ред.), "Нихон но мукасибанаши" (Японские народные сказки), т. 1-3, Токио, Издательство Иванами, 1956-1957. Сказка "Собака, кот и кольцо" включена в т. 1, стр. 112-114.

⁷ Все эти выражения приводятся из вышеуказанного сборника японских сказок.

далеко, то или “чтоб туда добраться, надо девять лет идти, да назад девять—итого восемнадцать лет” (Аф. No. 212, “Поиди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что”), или говорят молодой девушке так: “если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом государстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изглужешь, чем найдешь меня!” (Аф. No. 234, “Перышко Финиста ясна сокола”).

Действующие лица русских сказок, кажется мне, нисколько не боятся такого большого расстояния, действительно головокружительного для японцев. Одним словом, можно сказать, что японцы в сказках предпочитают конкретное и точное абстрактному и неопределенному, а русские, наоборот, увлекаются неопределенным, неограниченным в пространстве и во времени. Обратите внимание на выражения, как “долго ли, коротко ли” и т.п. и на само название сказки “Поиди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что”.

Откуда такое различие в народном характере? Всем известно, что Япония крошечная страна, а Россия большая страна, гигант-государство. Это географический факт. Но этого не хватает для объяснения такого существенного различия. Ответ надо искать в характере, в душе русских, воспитанных из века в век необъятной природой.⁸

“Широкое пространство всегда владело сердцами русских”, пишет Дмитрий Лихачев в своих “Заметках о русском”. Все знают, что русские больше всего дорожили волей. Еще раз приведу Д. Лихачева. “Воля—это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны—как вздумается”.⁹

Мне думается, что в выражении “за тридевять земель, в тридесятом государстве” как раз и отражаются вольнолюбивые умонастроения русских людей.

УНИВЕРСИТЕТ ХИТОЦУБАСИ

⁸ Вспоминаются слова Е. Трубецкого: “В русской сказке необыкновенно ярко и образно отражается психология русской народной печали”. “Иное царство” и его искатели в русской народной сказке, в кн. “Русская мысль”, Прага, 1923, стр. 223.

⁹ Д. С. Лихачев, “Заметки о русском”, Изд. 2-ое, М., 1984, стр. 10.